

Crimea

Побережье лазурью щебечет,
на песке - барбекю человечье,
и породистый берег покат.
Ну, а вечером жаркие встречи,
говорливые нежные речи
и в бокалы стремится "Мускат".

Заплетая холмы в кружева,
тамариском казалась трава
и ложилась в ладонь, как прибор.
Здесь огромная зреет айва
и пьянеет в жару голова -
перед полдником над пахлавой.

Каждый камень и каждый изгиб -
виноградную россыпью кип,
словно память сверкнувших держав.
И разросся огромный полип -
этот тюркско-туреческий нимб,
эту землю легендою сжав.

Корабли упирая в причал,
переменчивый ветер крепчал,
лишь безумный лелея вдали,
белый парус - дерзанье начал, -
и в трепещущих волнах качал,
в ореоле алмазной пыли.

И, соленые брызги жуя,
серебрится скалы чешуя,
демонической пеной кипя...
На рассвете шалфей и тимьян
зацветут, как живая струя,
Старым Крымом - влюбленным в тебя!

На Кок-Кая

Дивный воздух застыл,
словно крепкий коньяк,
золотисто-янтарным отливом,
облаками,
густым средоточием сил
над недобро-тяжелым заливом.

Небо щедрой рукой
рассыпало свинец,
где сгорала свеча Кара-Дага.

Одиночество душ.
Черный камень сердец.
И волны непреклонная влага.

Ты и я - оком,
между скал горизонт
над расплавленно-дышащим морем.
Неразрывно едины.
Вдвоем.
И любви здешней
трепетно вторим.

* * *

Коктебель. Причал. Предштормье.
Маленький катер. Путь.
Золотые ворота. Море.
Где Кара-Дага грудь
скалит тугие мышцы,
кварцевый вечный вдох.
Мраморные ресницы.
Дьявольский местных бог.

Где горизонт глотает
Солнца тугой комок.
Пальцы гранитной стаи.
Берег далекий взмок.

И зазвонят монеты,
Лягут мечтой на дно.
Милая, мы сонеты,
Слившиеся в одно!

Станем и мы наивны
(золото – только в нас!),
Волны бушуют – дивно,
Глубже любовь – сейчас!

Вечности этой вторя,
Мы привезем домой:
Счастье, любовь и море,
Связанные судьбой!

Будет исчерчен светом
Край Голубых вершин.
Месяц медовый. Лето.
Всплеск золотой души.